

Станислав Лакоба

**ЗАБЫТОЕ ЭССЕ
ОБ АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Сухум • 2003

Абхазский государственный университет

Станислав Лакоба

**ЗАБЫТОЕ ЭССЕ
ОБ АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Сухум • 2003

Станислав Лакоба. Забытое эссе об
абхазском языке. Сухум: Абхазский го-
сударственный университет, 2003. –

© Станислав Лакоба, 2003

Я не умру и буду
вечно жить

Пока абхазский мой
язык звучит,
Пока страна Аpsны
на свете есть,
Абхазы чтят
всего превыше – честь.

КОРОТКО ОБ ЭТОЙ КНИЖКЕ

Предлагаемое читателю забытое
эссе Станислава Лакоба, посвящённое
абхазскому языку, вышло в свет 15 лет
назад в его книге историко-культурных
очерков «Крылились дни в Сухум-Кале»
(Сухум, 1988).

Почему сегодня хочется вспомнить
об этом литературном произведении?

Многие, видимо, забыли, какой
широкий общественный резонанс
вызвала эта работа. В Абхазии она дав-
но стала библиографической редкос-

тью, а в Грузии, особенно в период 3. Гамсахурдиа, автор книги подвергался злобным нападкам со стороны тбилисских «национал-патриотов». Доходило до абсурда и они обвиняли автора даже в том, что абхазским языком, его уникальной фонетикой восторгались великие русские поэты и писатели... По этому поводу на страницах грузинской газеты «Народное образование» («Сахалхо ганатлеба») в 1990-1991 гг. некоторые грузинские авторы обрушились на С. Лакоба с откровенной руганью. Но после того как в той же газете был напечатан ответ абхазского историка, Гамсахурдиа вообще закрыл это периодическое издание.

Именно в те самые сложные периоды современной истории, Станислав Лакоба, ныне профессор Абхазского университета, лауреат премии имени Дмитрия Гулиа, активно полемизировал

с грузинскими учёными, литераторами и публицистами, отстаивая самобытность абхазской истории, языка, выступая в защиту прав абхазского народа и всего многонационального населения Абхазии.

Олег ШАМБА,
профессор

РЕЛИКТОВЫЙ ЦВЕТОК ЯЗЫКА

Реки – языки Земли.

Небо – их истоки.

Земля хранит в себе сумрачные тайны. Нужно всего лишь быть таким, как она да выси, чтобы услышать ее память.

Услышать рост травы. Бег муравьи по мху. Слышать полет листа.

Белый слышал.

Андрей Белый был чуток к миру: «В образах, данных природой, слышатся художнику зовы Вечного».

В 1929 году через Сухум, Гудауту, Гагру и Адлер он проехал в Красную Поляну.

В горы исторической Абхазии.

Только название реки «Мзымта» напоминало, что это так.

Из Адлера Белому открылся вид «на цепь снежных вершин».

В пределы царства гор он въезжал на грани весны и лета.

Белый делился своими чувствами: «...Мощь лесов, стволов – неописуемы, и оттуда 56 километров вверх по неописуемой дороге через Мзымтское ущелье, более величественное, чем Дарьяльское в Красную Поляну с уютно-грандиозным ландшафтом».

Мзымта звучала у самых глаз неба.

Об этой поездке жена поэта, Клавдия Николаевна, вспоминала: «Белый долго сидел над белой от пены горной речкой Мзымтой, в той же Красной Поляне. Он молчал, уйдя в свои думы. По выражению глаз и лица было заметно, что он не смотрит, а слушает.

И слушает все более напряженно, с волнением, словно хочет поймать какие-то поразившие его звуки.

Вдруг он резко поднялся, подошел ближе ко мне и, стараясь перекричать

оглушительный грохот реки, стал порывисто говорить о языке будущего. Он говорил, что явственно слышит ритм и тональность этой будущей речи, совсем не похожей на нашу.

Слышит до ощущения на языке, до особых движений гортани, до тонкой вибрации голосовых связок. Но не умеет об этом сказать...»

Белый слушал реку — «речь будущего».

Слушал звучную пульсацию Мзымты.

«Мало видеть: надо — уметь видеть, — говорил он. — ...Я многое разглядел в природе».

Белый обладал даром тайновидца, обостренной, до ясновидения, проницательностью и чувственностью.

Он познавал философское наследие Востока, идеи Владимира Соловьева.

антропософское учение Рудольфа Штейнера. С 1912 и до конца 1916 года Белый жил в Мюнхене, Штутгарте, Берлине, Дорнахе, Христиании, принимал активное участие в постройке «Гетеанума» (Высшая школа духовных наук) близ Базеля.

Особое внимание поэта привлекает фонетика.

В этот период он начинает работать над поэмой о звуке «Глассолалия», изданной в 1922 году. Изданной через пять лет после ее написания.

Белый говорит о звуке-жесте «на поверхности жизни сознания», о жесте утраченного содержания, о мимике звуков, о глубоких тайнах, лежащих в языке, об эвритмии (равномерность ритма), в которой заложено «знание шифров природы; природа осела землею из звука; на эвритмистике червонится звук...».

Все это было до звучной Мзымты.

О языке будущего, услышанном на Красной Поляне в 1929 году, Клавдия Николаевна продолжала рассказывать со слов Белого:

«...Голосовой аппарат наш к этому не приспособлен. Он еще не готов. Гор-тань человека должна измениться. Тогда только, в будущем, неизмеримом годами, прозвучит и вовне эта новая речь, уже теперь так поразившая его внутренний слух. В этой речи сольются в живом неожиданном синтезе голоса и звучанья природы; в словах этой речи будет сила, которой не знает теперь человек. Пенье птиц, рокот моря, плеск ручья, крик животных, шелест трав, шумы лесные, порывы ветров, громовые раскаты объединятся и свяжутся в непредставимую ныне ритмично певучую ткань. Слово будущего будет организовано по законам неведомой ныне фонетики».

Что подсказала, что доверила Мзымта Белому: язык будущего или язык прошлого?..

Почему именно здесь, на Красной Поляне, он услышал так поразившую его речь?

Может быть потому, что именно здесь, в земле горского абхазского племени ахчипсоу, пролежала в прошлом одна из самых удивительных и прекрасных фонетических границ языков мира?..

Граница с убыхами – независимым, но связующим звеном абхазо-адыгских народов.

Здесь, в горах, «с уютно-грандиозным ландшафтом», дышала близким небом Страна Звуков абхазо-убыхской речи!

Страна с самой богатой на Земле фонетической системой 80-ти согласных...

Дышала до окончания Кавказской войны. Дышала до ее завершения на Красной Поляне 21 мая 1864 года.

И тогда непокоренные ахчипсоу и соседние убыхи покинули родные места.

Они дрались до последнего вскрика, до последнего дыхания своих женщин, детей.

До последнего дыхания коней!

Матери с детьми бросались в родные пропасти.

Горы обезлюдели.

Обеззвучились...

Но еще до завершения трагических событий войны, в 1862 году, русский генерал и одновременно составитель абхазской грамматики П. К. Услар так охарактеризовал этот язык:

«Не только европейцы, но даже кавказские туземцы считают абхазское произношение наитруднейшим и наи-

более доступным для неабхазца. Странное впечатление производит этот язык на того, кто слышит его впервые!.. Основа абхазского произношения состоит из сплетения самых разнообразных звуков шипящих, свистящих, жужжащих, но разнородность их ускользает от непривычного слуха».

Может быть, Белый услышал из прошлого «речь будущего»? Услышал ее на бывшей фонетической границе абхазо-убыхского мира?

Он будто преодолел «звуковой барьер» современности и заглянул в прошлое, в котором отразилось будущее.

Может быть, когда народ погибает или покидает родную землю, только тогда природа начинает звучать на его языке.

Горы Красной Поляны сохранили язык своего народа и пропели поэту

языком Мзымты звуки, так напоминающие абхазскую речь.

Белый почувствовал это прикосновение.

Возможно, он почувствовал его и в тот миг, когда встретил высоко в альпийских лугах старого пастуха-абхаза...

Белый проник в тайную память природы. Побывал в ином измерении, прослышал, казалось, наглухо закрытые «шифры природы».

Память природы в горах Красной Поляны сберегла, как ребенка, самое ценное своего народа.

Она впечатала в камень реликтовый цветок его языка. И Белый набрел на эту звучную окаменелость абхазской речи в сумрачном ущелье Мзымты.

Прошлое – оказалось будущим.

Клавдия Николаевна вспоминала:

«Белый уверял, что лучшие мысли его идут «от природы», и что каждая новая местность для него «кладезь новых богатств». Подтверждением этого служат его дневники. Я же могу привести лишь несколько случаев, врезанных в память.

И вслед за этим, рассказала об открытии Белым на Мзымте «будущей речи»...

Звучная Мзымта.

Она становилась языком и гортанью Белого. Добавляла синего цвета глазам. Изгибалась во рту скользящей форелью.

Мзымта.

Будто горящая небом женщина, разбросанная среди горных снегов.

Разорванная ущельем. Буйным лесом.

Звучная Мзымта.

Белый чувствовал, ощущал прикосновение ее родникового языка к нёбу.

Река впадала в него прямо с древних небес, вливалась, как кровь, неведомой речью и рассыпалась по венам кислородными шариками звуков.

□
Описание Белым «будущей речи» человечества поразительно перекликается с высказыванием известного историка и этнографа К. Д. Мачавариани.

«Звуки абхазского языка так резко отличаются от звуков индоевропейской семьи языков, - писал он в 1913 году, - что можно изучить этот язык прекрасно, вполне овладеть духом и свойством его, но все-таки произношение его так и «останется варварским». Для объяснения звуков приходится создавать совершенно новые правила фонетики.

Одними известными органами (губы,

зубы, гортань и др.) нельзя здесь ограничиться. При произношении многих звуков абхазского языка органы произношения принимают совершенно иное положение, что не замечается в других известных нам языках...

Язык абхазский гибок и звучен; он одинаково передает не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы, так и мелодия тихого дуновения ветерка, журчание ручейка, горе и радость, гнев и ласки, глубина страсти и нежность находят в этом языке свое полное выражение. В нем выражаются, точно в зеркале, неуловимые движения души, туманные впечатления окружающего нас мира, ускользающие, обыкновенно, от слова, знака и красок...

С характеристикой речи, «открытой» Андреем Белым, созвучны и сти-

хи Виктора Стражева, посвященные абхазам. Они вошли в поэму «Песнь о голубоглазом». Поэт писал:

Позабывши сам – откуда,
Он приобрел тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зеленых.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дремный шепот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалека.
Он у горного потока
Научился злой отваге...

И еще об одном интересном примере. Переправляясь через бурную реку в Бзыбском ущелье, Стражев сочинил шуточные стихи:

В зыбке над Бзыбью зыблюсь.
Миг! – и я в Бзыби урыблюсь.
Зыблюсь над Бзыбью в зыбке.
Понравлюсь ли бзыбской рыбке?

Используя прием аллитерации и ударение на гласную «ы», Стражев добивается от русского четверостишия как бы абхазского звучания. Поэтом очень удачно создана иллюзия фонетического фона абхазской речи.

□
Тему: река – речь, - продолжила и Мариэтта Шагинян.

Подъезжая к Гагре в 1928 году, она писала:

«На редкость красивые абхазцы в башлыках. По пути в Абхазию странные названия рек: Мзымта, Бзыбь, Псоу и т.д. Интересные мосты, очень высокие, монументальные, доказывающие, какой силы на этих реках бывает паводок».

«Весь берег Черного моря на территории Абхазии прорезывается частыми речками с названиями, трудно выговариваемыми по причине множества согласных: пс, бз, пш, мз и т.д.»

И продолжала:

«Весь этот прибрежный отрезок от Гагр до Батума пересекается перпендикулярчиками быстрых горных рек, названия которых звучат, как тщетные попытки остановить бегущего: Бзыбь, Псоу, Хипста, Гумиста, а большие, полноводные реки отзываются урчащей, медленной, водяной массой: Ингур, Кодор, Рион».

С самой неожиданной стороны взглянула Шагинян на абхазцев. Речь их поразила ее.

В пятницу, 12 октября 1928 года, после посещения совнаркома республики, она внесла в свой дневник:

«Лакоба, Нестор Аполлонович, абхазец, стоит во главе Абхазской республики. Это небольшого роста, глуховатый, как я, человек. Он напомнил мне почему-то ацтека... И кроме того, их странный язык тоже напомнил мне странную речь ацтеков (Жоэквара — «Монтецума» — «Попакате петль» — Псуа, Псхнэ и т.д., потом я лучше подберу схожее, сейчас устала думать).

Последние тихие, теплые, с музыкой, с тихими звездами ночных пароходов, вечера в Сухуме».

Что это, буйная фантазия или интуиция? Абхазы, ацтеки...

Правда, в современной лингвисти-

есть мнение, что абхазо-адыгские языки наиболее близки китайско-тибетским, хаттскому, баскскому...

А как же с ацтеками?

Еще немецкий кавказовед Г. Дее-терс предположил возможную генетическую связь абхазского с американскими языками.

А современный исследователь Г. А. Климов говорит, что «американоидный» облик абхазского языка «особенно бросается в глаза». Но имеется в виду не Южная, а Северная Америка.

Причем наиболее многочисленная общность абхазо-адыгских языков наблюдается с языками цимшиан-чинук тихоокеанского побережья Канады и США.

Вполне возможно, что парадоксальное, на первый взгляд, восприятие Шагинян, послужит в будущем толчком к еще одной гипотезе.

□ Воздушную мысль белого о «будущей речи» более четко определил Мандельштам.

Конечно, независимо от Белого.

Осип Мандельштам относился к абхазскому языку, как к «будущей речи» человечества.

В 1930 году он был в Сухуме:

«Отсюда следует начинать изучение азбуки Кавказа, здесь каждое слово начинается на «а». Язык абхазцев мощен и полногласен, но изобилует верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, что он вырывается из гортани, заросшей волосами.

Боюсь, еще не родился добрый медведь Балу, который обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга, прекрасному языку «апсны» - хотя в отдаленном будущем академии для изу-

чения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи ее имеют пределы».

Мандельштам предостерегал мир. И восторгался по-прежнему древней Абхазией, ее народом, связанным чуть ли не родственными узами с небом, горами, деревьями, реками...

«Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку — слава!» — воскликнул на прощание Осип Мандельштам.

□ История, дух, возможности народа отразились в абхазском языке. В нем пять прошедших, одно настоящее и два будущих времени.

Не является ли эта система своеобразным шифром народа...

Видимо, абхазы, отдавая предпочтение прошлому, никогда всерьез не относились к настоящему, но в них всегда теплилась надежда на будущее.

Станислав Зосимович Лакоба

**ЗАБЫТОЕ ЭССЕ
ОБ АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Подписано в печать 10.10.03. Формат 60x84 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 0,73. Тираж 500.

Офсетная лаборатория Абхазского госуниверситета.
Сухум, Келасур, АГУ.

